

Пролог

Освещенная лунным светом, она стояла между двумя огромными тисами на самом краю замерзшего озера и дрожала от озноба. Никогда еще ей не было так холодно и страшно. От одного лишь вида полной луны над зубчатыми верхушками деревьев по коже бегали мурашки. Казалось, поникшие ветки превращаются в изувеченные руки, которым стоит лишь потянуться вниз и...

Так! Хватит! Она тряхнула головой — нельзя давать волю фантазии, она и так в ужасном положении.

Издали послышался звук приближающегося мотоцикла — сначала по грунтовой дороге, затем по извилистой тропе, ведущей от дороги к озеру. Чем ближе становился звук, тем сильнее давило у нее в груди.

Показался свет фар, мелькнул в деревьях, осветил просеку, разделявшую сосны и исполинские тисы. Ей стало не по себе.

Он остановился прямо перед ней, заглушил мотор, широко расставил ноги, удерживая тяжелый мотоцикл. Мотоцикл принадлежал его старшему брату, а он катался на нем без прав.

В его взъерошенных волосах блестели снежинки. Непонятно было, он взволнован или ей так кажется. По телефону она говорила ему что-то невразумительное, в страхе и спешке. Луна освещала его сзади, лица не было видно, но она чувствовала, что он пристально смотрит и ждет объяснения, почему они встречаются именно здесь.

Она слышала его дыхание, стук его сердца. Но такого быть не может. Наверное, это стучало ее сердце, ее пульс отчаянно звенел в ушах.

Она много раз репетировала, что скажет, но сейчас, в этом зловещем лесу, голос подвел ее.

— В чем дело? — спросил он. — Что случилось? — Его голос прозвучал необычно резко.

Прикусив нижнюю губу, она прерывисто вздохнула и с трудом выговорила шепотом те самые слова.

Он глубоко вздохнул, но ничего не сказал в ответ.

Слышал ли он ее? Она не знала и в душе надеялась, что нет.

Облака медленно наплывали на луну.

Она не знала, сколько прошло времени. Он завел мотоцикл, резко повернул ручку газа и рванул по заледеневшему озеру; рев двигателя рассекал холодный воздух, сверкала хромированная выхлопная труба, отражая свет луны, почти спрятавшейся за облаками.

Вскоре вдалеке, на середине озера, удаляющийся рев мотора прервался страшным треском; снова и снова, словно кто-то стрелял из пистолета с глушителем, лед трескался под весом мотоцикла. Раздался глухой всплеск... Затем змеиное шипение уходящего под воду раскаленного мотора... И наступила мертвая тишина.

Луна полностью скрылась.

Кругом — темнота. Ни звука. Ни света. Ни мыслей. Ни надежд. Ни чувств.

А потом раздался крик. Совершенно дикий крик, продолжавшийся до бесконечности.

Позже она осознала, что кричала она сама.

Глава 1

Дикобраз вел себя крайне странно. Бессмысленность его поведения даже вызывала беспокойство, во всяком случае у Дэйва Гурни.

В то промозглое утро в начале декабря Дэйв сидел у окна своего кабинета и разглядывал ряд оголенных деревьев на северной стороне старого пастбища. Он внимательно наблюдал за необычайно толстым дикобразом, который расхаживал по низкой ветке дерева. Медленно и, казалось, совершенно бесцельно зверь ходил взад-вперед.

— Какие снегоступы ты возьмешь?

Мадлен стояла на пороге кабинета, в одной руке держа традиционные деревянные снегоступы с ремешками из сыромятной кожи, а в другой — пару современных, из металла и пластика. Ее темные короткие волосы были растрепаны, как обычно и бывало, когда она вылезала с чердака или из тесной кладовки.

— Я еще не решил.

Они собирались на несколько дней остановиться в гостинице в Грин-Маунтинс в Вермонте — покататься на лыжах и погулять в снегоступах. В этом

году в местных Катскильских горах еще не выпал снег, а Мадлен обожала снег.

Она кивнула в сторону окна:

— Все следишь за нашим маленьким гостем?

Он соображал, как бы ответить, сразу решив: не стоит упоминать о том, что дикобраз напоминает ему одного неуклюжего престарелого гангстера. Прошло три года с тех пор, как он ушел в отставку из департамента полиции Нью-Йорка, и наконец-то они с Мадлен научились понимать друг друга почти без слов. Формально он уже не был следователем в отделе убийств, где проработал больше двадцати лет, и было понятно, что он уже никогда не превратится в байдарочника, велосипедиста и большого любителя природы, как на то надеялась Мадлен. Однако следовало найти компромисс. Он согласился больше не говорить о том, как его нынешняя жизнь в горной деревеньке на севере штата Нью-Йорк будоражит в нем воспоминания о былых уголовных делах. А она пообещала, что больше не будет переделывать его, пытаясь превратить в того, кем ему не стать. Увы, компромисс этот иногда оборачивался недомолвками.

Он снова посмотрел в окно.

— Я пытаюсь понять, что же он замышляет.

Мадлен прислонила снегоступы к стене, подошла к нему и глянула в окно. Несколько секунд она наблюдала за колючим зверьком, расхаживающим по ветке.

— Он просто занят каким-нибудь обычным дикобразным делом. Тем же, чем был занят вчера. Что в этом плохого?

— Мне непонятно, что он делает.

— А вот ему, наверное, понятно!

— Только если он спятил. Или притворяется сумасшедшим, что маловероятно. Смотри, он медленно-медленно идет до конца ветки. Очень неуклюже разворачивается. И идет обратно. Он тратит силы... Зачем?

— Во всем тебе нужно разобраться!

— В конечном счете, все поддается объяснению. А в данном случае я хотел бы убедиться, что причина такого поведения — не бешенство.

— Ну почему сразу бешенство?

— От бешенства животные сходят с ума.

— А ты уверен, что у дикобразов бывает бешенство?

— Да, я проверил. Вот, думаю установить пару фотоловушек, чтобы можно было изучать, чем он занимается, когда слезает с дерева.

Во взгляде Мадлен чувствовалось то ли недоумение, то ли укор.

— Камеры видеонаблюдения, — пояснил он, — с датчиками движения.

— Камеры? Боже мой, Дэвид, скорее всего, он просто живет своей дикобразьей жизнью, а ты ведешь себя так, будто он совершил какое-то страшное преступление. — Она задумалась. — Кстати, где ты собираешься раздобыть камеры?

— У Джека Хардвика. У него их куча.

Он не стал напоминать ей, что камеры остались с тех пор, как они с Хардвиком собирались использовать их в деле Питера Пэна, но, судя по мрачному выражению лица Мадлен, она сама все вспомнила. Чтобы отвлечь ее от дурных мыслей, он добавил:

— Я уверен — все станет ясно, когда я увижу, как дикобраз поведет себя на земле.

— Тебе не кажется, что ты немного перегибаешь палку?

— А если у этой твари действительно бешенство?

Мадлен взглянула на него с тем странным выражением, которое он никогда не мог разгадать.

— Послезавтра мы уезжаем в Вермонт.

— И что?

— Ну и когда же ты собираешься воплощать свою задумку с камерами? — Мадлен явно была озабочена. — Когда ты будешь собирать вещи?

— Боже мой, мы едем всего на три дня.

— На четыре.

— Какая разница?

Дэйв вышел из кабинета в поисках своего мобильного, вдогонку ему раздался голос Мадлен:

— А тебе не приходило в голову, что дикобраз, быть может, самый безобидный зверь, и не твоего ума дело, почему он ходит туда-сюда по этой несчастной ветке?